

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.39.17.086

**О некоторых философско-правовых аспектах анализа
преступного поведения и его последствий: рецензия на статью
И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова, и Х.Д. Аликперова «Этиология
индивидуального преступного поведения: ещё один взгляд на
проблему»**

Керимов Александр Жангирович

Доктор юридических наук, профессор,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации,
главный научный сотрудник,
заместитель научного руководителя,
Центр интеграционных и цивилизационных исследований,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: 8017498@mail.ru

Аннотация

Настоящая работа представляет собой отклик на некоторые философско-правовые вопросы, рассматриваемые в статье И Рагимов И.М., Савенков А.Н., Аликперов Х.Д. Этиология индивидуального преступного поведения: ещё один взгляд на проблему. Государство и право. 2023. № 9. С. 112-125. Автор определяет критерии научности, ратует за максимально возможно широкое использование в исследовательском процессе междисциплинарного подхода, высоко оценивает положения и выводы, содержащиеся в названной статье, призывает учёное сообщество к их дальнейшему обсуждению. Вместе с тем он выражает сомнения относительности обоснованности тезиса о неизбежности прижизненной расплаты за совершённые злодеяния и преступления.

Для цитирования в научных исследованиях

Керимов А.Д. О некоторых философско-правовых аспектах анализа преступного поведения и его последствий: рецензия на статью И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова, и Х.Д. Аликперова «Этиология индивидуального преступного поведения: ещё один взгляд на проблему» // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 636-644. DOI: 10.34670/AR.2024.39.17.086

Ключевые слова

Междисциплинарный подход, творческие усилия, наука, преступление, наказание, возмездие, добро, зло, вина, совесть.

Введение

Пожалуй, очень многим моим коллегам – обществоведам и гуманитариям: философам, историкам, культурологам, психологам, политологам и др., изыскания (равно выступления и рассуждения) юристов зачастую представляются невыносимо скучными, тягуче однообразными, чрезмерно сухими, притом переполненными разными казуистическими тонкостями и софизмами. Более того, они кажутся им ещё и крайне поверхностными, совсем неглубокими.

Для меня, не скрою, такое восприятие весьма обидно, ибо лично я немалый период своей жизни посвятил изучению проблем права и государства и уже давно, отчасти осознанно, отчасти произвольно, приобрёл, полагаю, полезную и вообще хорошую привычку с пристальным вниманием и искренним уважением относиться к данной сфере научного творчества и к людям в ней работающим. Посему могу ответственно свидетельствовать: некоторые из исследователей правовой материи, в том числе и мои современники, достигли высочайших вершин в этом благородном и трудном ремесле.

Я вынужден, между тем, признать, что подобное, описанное выше негативное впечатление, складывающееся у многих учёных иных отраслей знания от публикаций нынешних легистов, в существенной степени оправдано, поскольку подавляющее большинство из них, (иногда намеренно, чаще, конечно же, невольно) искусственно ограничивает своё видение социального бытия, затуманенно взирая на мир исключительно через, условно говоря, «юридические очки»¹. В результате его мысленный образ оказывается удручающе неполным и неточным, предстаёт в искажённом свете, в облике явно деформированном; его идея непоправимо утрачивает свою естественную органическую целостность и завершённость.

Если оценивать статью И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова, и Х.Д. Аликперова с позиций взыскательного, даже придирчивого читателя, можно с уверенностью заявить, что она выгодно отличается от множества работ последних лет. Она получилась фундаментальной, интересной и насыщенной.

Достоинства работы

Прежде всего – о её достоинствах. Позволю себе их назвать и кратко прокомментировать.

Мне и раньше доводилось высказываться относительно критериев научности. Их – несколько. В данном случае поименую только два, по-моему, наиболее важные из них. Думается, во-первых, что настоящая, истинная наука начинается там и тогда, где и когда индивиду, заслуженно претендующему на высокое звание учёного, удаётся возвыситься до теоретического, желательно, философского уровня осмысления сложных, общезначимых

¹ Это видение, уместно напомнить, и без того сильно ограничено: Homo sapiens в принципе не в состоянии ни чувственно воспринять, ни рационально объяснить бытие во всём его неисчерпаемом богатстве, всей его сложности и многоликости. Такое положение вещей обусловлено, с одной стороны, бесконечностью вселенной, а следовательно, и процесса познания, с другой, – ограниченностью самого человеческого разума, который сам по себе на каждом новом этапе развития науки неизменно ставит пределы на пути извечного, ни на секунду не останавливающегося интеллектуально-творческого освоения действительности. Воодушевляет то, что усилиями воли лучших представителей последовательно сменяющихся поколений эти пределы постоянно и неуклонно раздвигаются.

проблем бытия и тревожных, суровых вызовов времени, предложив при этом адекватные решения и ответы. Во-вторых, научная деятельность, может считаться таковой, если в ходе её и по её итогам перманентно генерируются новые, передовые, оригинальные и дерзновенные идеи. Лауреат нобелевской премии по физике (1918), член Прусской академии наук (1894) М.К. Планк (1858 – 1947) безусловно прав, отмечая: «Лишь идеи делают экспериментатора – физиком, хронолога – историком, исследователя рукописей – филологом» [Шойхер, 2007]. Именно они – плодотворные, перспективные идеи позволяют нам осваивать вселенную; на их основе возможно позитивное преобразование, улучшение, гуманизация грядущего жизнеустройства.

Скрупулёзно изучив представленное на суд читателей эссе, у меня не возникло никаких сомнений в том, что оно в полной мере соответствует изложенным критерием. Очевидно, что перед нами добротная научная работа.

Оно, к тому же, проведено на стыке ряда дисциплин: как минимум, философии, психологии, социологии, уголовного права и криминологии и др. А это, с точки зрения обеспечения оптимальной результативности, предельной эффективности познавательного процесса, чрезвычайно ценно. Ведь Мир – един. Лишь в нашем обыденном, убого-утилитарном восприятии он безнадежно фрагментарен. Так, вычлняя отдельные его компоненты, концентрируясь на деталях и частностях, нам гораздо легче, удобнее его понимать. Но в реальности он не такой. На самом деле он целостен, взаимосвязан и взаимозависим, принципиально неразделим. Любое его абстрактное, умозрительное деление, дробление на составляющие части, крупные или малые, есть не более чем вынужденная, посему досадная и, в чём-то, по сути своей, неестественная условность (хотя и бесспорно необходимая для осуществления анализа и последующего синтеза). Интеллектуальное постижение космоса, субстанциальности всех социальных и природных предметов и процессов объективно предполагает максимальную всесторонность и многогранность. Именно поэтому я всегда и всюду ратую за широкое использование междисциплинарного подхода.

Я совершенно уверен в том, что чётко и ясно сформулировать по-настоящему стоящие, яркие и смелые идеи, выдвинуть стройные, внутренне сбалансированные, фундаментального уровня и порядка теоретические конструкции, воодушевляющие и увлекающие людей, предложить концептуально оформленные, новаторские, провоцирующие острые, оживлённые дискуссии гипотезы как в области общественно-гуманитарной, так и в сфере технико-технологической и естествознания невероятно трудно. Авторам рассматриваемой статьи это в значительной степени удалось. И в первую очередь, по-видимому, потому, что они изначально очень резонно вознамерились, сразу же вполне обоснованно задались целью работать непременно на стыке нескольких наук. Они отнюдь не пытались, как это до сих пор, к сожалению, делают многие, с ожесточением слепого и явно неуместного здесь фанатизма во что бы то ни стало сохранить и защитить неверно истолкованную чистоту своей дисциплины (криминологии), не стремились оградить её от какого-либо вторжения извне. Напротив, они упорно расширяли диапазон своих изысканий, своих творческих усилий посредством масштабного и активного привлечения инструментов, приёмов и способов, применяемых и используемых в других отраслях научной деятельности, а также полученных и аккумулированных в них достижений, результатов и выводов исследований.

Надо подчеркнуть, что представленную публикацию попросту интересно читать. Она подвигает к раздумьям долгим и неторопливым, притом серьёзным и сосредоточенным; она побуждает к размышлениям спокойным и неспешным, но вместе с тем тщательным и напряжённым. К размышлениям по конкретно-юридическим, но, главное, по абстрактным,

философско-правовым вопросам мировоззренческого характера, что, на мой взгляд, особенно ценно и лично для меня весьма привлекательно.

Работа написана профессионально, квалифицированно, как говорится, со знанием дела. Ощущается глубокое проникновение авторов в самую суть анализируемых проблем. Это не удивительно, учитывая то обстоятельство, что каждый из них в течение нескольких десятков лет трудился на ниве юриспруденции, как в практической плоскости, так и в плане теоретическом: ключевые этапы их жизненного пути хорошо известны.

Наконец, обращает на себя внимание чистый, свободный слог, академическая и убедительная манера изложения, явственно выдающаяся умение правильно, ярко и чётко выразить свои мысли, что в последние годы, увы, становится редкостью.

Недостатки работы

Во второй части своего очерка, согласно логике повествования, мне следовало бы перейти к недостаткам изучаемой статьи. Однако я предпочёл бы посвятить эту часть не изобличению несомненно имеющих мелкий изъянов и огрехов эссе И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова, и Х.Д. Аликперова, а рассмотрению лишь одного единственного, но чрезвычайно важного пассажа, вызвавшего у меня замешательство, неподдельный скептицизм и, соответственно, соображения критического характера.

Этот фрагмент является таковым, т. е. исключительно значимым прежде всего потому, что в нём речь идёт о позиции классика русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского (1821 – 1881), чьё влияние на развитие философии в планетарном масштабе поистине огромно. Позволю себе привести данный отрывок. «Сегодня, как и несколько веков назад, в уголовном праве и уголовном процессе утверждается, что наказание за совершенное преступление всегда и везде назначается судом на основе обвинительного приговора, в котором определяется как его вид, так и сроки (размеры). Между тем этот постулат был опровергнут ещё в 1866 г. Ф.М. Достоевским в его бестселлере «Преступление и наказание», в котором он показал, что эту карательную функцию выполняет не только и не всегда суд. В частности, в своем знаменитом романе писатель более чем убедительно показывает, что в социуме не существует преступления без наказания, так как кара *de facto* настигает виновного и при его уклонении от правосудия, и при латентных преступлениях, и при неустановлении лица, совершившего преступление, и т.д.

Но это – кара особого свойства, её нет ни в одном уголовном кодексе. Но она реально существует и применяется не на основе вердикта суда, а налагается на виновного его внутренним «Я» («синдром Раскольникова»). Иными словами, неминуемость кары за совершенное зло – не только прерогатива суда, но и имманентное свойство повседневного бытия социальной среды, как, впрочем, и промысл Всевышнего, как это утверждают богословы» [Рагимов, Савенков, Аликперов, 2023].

Оставлю в стороне достаточно вольное, не вполне корректное, я бы сказал, ограничительное толкование смысла² гениального произведения Фёдора Михайловича. Ведь в контексте рассуждений моих коллег это не столь уж важно. К тому же они и не преследовали цель прокомментировать содержание замечательного сочинения. Принципиально другое. Возникает предельно конкретный и вместе с тем по сути экзистенциальный вопрос. Правы ли они (по-

² Точнее – смыслов, ибо его труд поразительно многогранен и многослоен, затрагивает духовные субстанции разных уровней и порядков.

своему интерпретируя Ф.М. Достоевского, ссылаясь на его непререкаемый авторитет и безусловно соглашаясь с ним, скорее даже не с ним, а с собственной аргументацией воззрений писателя), когда настаивают на том, что в любом сообществе за преступным деянием неизбежно следует расплата, возмездие неотвратимо настигает согрешившего не после кончины, а обязательно в продолжение отведённой ему земной жизни, а наше, человеческое бытие во все времена устроено так, что злодей, конечно же, оказывается наказан, если не соотечественниками или соплеменниками, то, по их выражению, внутренним «Я», т. е., насколько я понимаю, своей совестью?

Да, страдания, которые испытывают люди, терзаемые угрызениями совести, тягостными душевными переживаниями, нестерпимыми муками по поводу ранее содеянного и вправду бывают ужасны, порою безмерны. Недаром Л.Н. Толстой (1828 – 1910) в своей великой историософской эпопее «Война и мир» вложил в уста князя Андрея Болконского изречение, сделавшееся сразу же широко известным. Напомню, полемизируя с Пьером Безуховым, князь безапелляционно заявил: «Je ne connais dans la vie que maux bien réels: c'est le remord et la maladie». Il n'est de bien que l'absence de ces maux»³. На долю смертных, разумеется, выпадают и другие жгучие горести, горькие беды. Но названные, пожалуй, одни из наихудших, самых страшных.

Вернёмся, однако, к поставленному выше вопросу. Я всё же полагаю, что мои коллеги здесь заблуждаются: они скорее выдают желаемое за реальность, нежели объективно, безыллюзорно и беспристрастно оценивают настоящее, подлинное состояние страждущих душ. В душах этих беспрестанно идёт драматическое, яростное, невидимое праздному взгляду сражение добра со злом, света с тьмой, праведности с порочностью и т. п. Всплывает в памяти фраза, из последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» произнесённая Дмитрием Фёдоровичем в разговоре с Алексеем Фёдоровичем: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». И в этой извечной, бескомпромиссной схватке зачастую побеждают тёмные, демонические силы. Отсюда огромное количество негодяев всевозможных типов и мастей, несметное число потрясающих крайней жестокостью, садистской изощрённостью, неуёмной жадностью, откровенным цинизмом преступлений, в которых каким-то невероятным образом проявляются практически все или почти все низменные, омерзительные свойства, черты человеческой природы⁴.

³ «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол». (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Серия первая. Произведения. Том 10. Государственное изд-во «Художественная литература» М., 1938. С. 110).

⁴ Мне кажется интересным, важным и, к сожалению, по-настоящему пугающим пессимистическое наблюдение профессора А.И. Александрова, согласно которому скрупулёзное и вдумчивое изучение многотысячелетней общественной истории неуклонно приводит к осознанию того ужасного факта, что её с полным на то основанием правомерно рассматривать в том числе и как историю перманентно совершаемых, бесконечно воспроизводящихся давно известных и постоянно возникающих всё новых и новых видов преступлений. «В борьбе добра со злом, — уже оптимистично продолжает далее исследователь, — складывается нелогичная внешне ситуация: зло всегда сильнее, организованнее, сосредоточеннее, хитрее, а иногда умнее, но в итоге оно уступает добру. Может быть, не сразу, но в исторической перспективе добро стабильно побеждает». (Александров А.И. Философия зла и философия преступности. (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е издание, переработанное и дополненное «Санкт-Петербургский государственный университет», 2020. С. 9). Выраженная в данной цитате однозначно жизнеутверждающая позиция небесспорна, но в неё хочется верить, она придаёт силы, воодушевляет, вселяет надежду. И в этом её несомненная ценность.

Но дело не только в этом. Помимо людей плохих, злых, испорченных, во все эпохи и у всех этносов, при любых социально-экономических формациях и в любых цивилизациях в изобилии были, есть и, похоже, до скончания веков будут и такие, для которых проблема морального выбора вообще никогда не встаёт. Для подобных персонажей её не существует в принципе. Это объясняется тем заурядным обстоятельством, что у них банально нет совести или в лучшем случае она находится в рудиментарном состоянии. Они в определённом смысле духовно неполноценны, безнадежно ущербны. В них почему-то отсутствует столь необходимая, вроде бы органическая, неотъемлемая часть собственно человеческого.

Если бы все и всегда глубоко, искренне и деятельно раскаивались в своих былых неблагоприятных проступках и непростительных преступлениях и тем самым несли за них тяжкое, но заслуженное бремя наказания, более того прилагали бы усилия к тому, чтобы исправить ситуацию, избавить социум от негативных последствий своих прошлых провинностей и прегрешений, то мы продвигались бы по пути созидания нравственного, справедливого общества и государства феноменально успешно и стремительно. Но этого мы, к сожалению, не наблюдаем. Не имеющим совести не дано мучиться от её угрызений и соответственно раскаиваться.

Уместно, как мне представляется, привести здесь умозаключения видного философа Л.И. Шестова (1866 – 1938) из его книги «Potestas clavium. Власть ключей» [Шестов, 1993]. Рассуждая о творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, он фокусирует внимание читателя на том, что оба писателя (замечу, и очень многие интеллектуалы – литераторы, учёные России и Европы того времени) не единожды предавались напряжённым и продолжительным раздумьям о Наполеоне I Бонапарте (1769 – 1821), о его мыслях и поступках, победах и поражениях, о существе его личности. Они непременно хотели понять, почему Наполеон безбоязненно и добровольно возложив на себя тяжчайшую, казалось бы, невыносимую ответственность за несчастья и страдания, обрушившиеся в результате его деяний на миллионы сограждан и подданных других государств, её как будто бы не чувствовал, абсолютно не мучался угрызениями совести.

Постичь это и впрямь нелегко, особенно если по примеру двух величайших русских моралистов не обинуясь полагать, что все сыны Адама в основном устроены одинаково. С точки зрения Л.И. Шестова, и Фёдор Михайлович, и Лев Николаевич считали, что коль скоро их самих на всём их жизненном пути совесть ни на минуту не оставляла в покое, то она тем более должна была ни на миг не утихая, неимоверно сильно терзать и Наполеона. Однако этого, как видно, не происходило, что обусловлено тривиальным фактом: люди, по мнению философа, устроены вовсе не одинаково, и совесть имеется далеко не у всех, а посему для Наполеона и проблема ответственности не возникала в принципе.

Талантливый французский политик и полководец, пишет далее Л.И. Шестов, действовал, если угодно, «согласно природе», совсем как того настоятельно требовали стоики. В связи с этим учёный напоминает рассказанную Е. Пугачёвым в повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина (1799 – 1837) притчу про орла и ворона: орёл, питаясь свежим мясом, разрывая ещё дышащих животных, живёт тридцать лет, а ворон, поедая падаль – триста. И им никогда не сойтись, не столкнуться, ни за что не понять друг друга [Пушкин, 1997]. По точному замечанию Л.И. Шестова, человеку, верящему, что «ответственность есть сознание нравственного начала, живущее в сердце каждого, не дано «понять» Наполеона, который хотя и знал это слово, но либо не понимал его, либо понимал так, что оно, в представлении, скажем, Достоевского, больше бы выразалось совсем иным словом, примерно «безответственностью» [Шестов, 1993].

Выводы

С учётом изложенного, утверждение моих коллег о неотвратимости прижизненной расплаты индивида за грехи и преступления кажется мне слишком категоричным. Практика, с отрезвляющей холодностью, неумолимо и красноречиво свидетельствует о том, что в реальности (и этого не могут не видеть авторы рассматриваемой мною статьи) зачастую всё происходит по-другому, по сути, противоположным образом. Злодеи нередко не несут вообще никакого наказания, а их жертвы остаются навек незаслуженно неотомщёнными. Если вина законоотступника не очевидна и не доказана, он не изобличён, не схвачен и не арестован по приговору суда, а совесть у него полностью отсутствует, т. е. если в итоге он не страдает ни в каком смысле, ни в физическом, ни в морально-психологическом, то тогда, какие же в самом деле имеются основания считать, что в будущем его непременно настигнет кара? Где здесь место для её предполагаемой неминуемости и в чём, собственно, она должна состоять? Может быть, провозглашаемой неизбежности попросту нет, по крайней мере на этом свете? Не существует ли благородная, но, на мой взгляд, всё же несколько наивная идея всегдашней неотвратимости наказания преступника именно на бренной земле, а не в Царстве потусторонних сил (напомню, неминуемость кары за совершенное зло, по мнению И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Аликперова, есть, в том числе, «имманентное свойство повседневного бытия социальной среды» [Рагимов, Савенков, Аликперов, 2023]) лишь в отвлечении, лишь в воспалённом сознании, присущим, как правило, провозвестникам всех времён и народов грядущего, конечно, обязательно безусловно-справедливого общественного устройства?

Высказанные мною искренние сомнения, отдельные соображения критического и бесспорно весьма дискуссионного характера ни коим образом не влияют на высокую оценку анализируемой статьи. Я не только рекомендую её всем интересующимся философскими, этическими проблемами права, в частности, уголовного права, но и приглашаю учёных и практиков к обсуждения поставленных в ней вопросов и затрагиваемых тем.

Библиография

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности. (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е издание, переработанное и дополненное «Санкт-Петербургский государственный университет», 2020.
2. Антология мудрости. Сост. В.Ю. Шойхер. М.: Вече, 2007.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения. Тома I – XVII. Том шестой. Преступление и наказание. Издательство «Наука». Ленинградское отделение. Л., 1973.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13: Братья Карамазовы: Роман: В 4 ч. с эпилогом. Ч. 1, 2 / Примеч. А. Батото, В. Ветловской, Г. Фридендера и др. – М.: ТЕРРА, 1998. С. 113.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Романы. Повести / Примеч. С. Петрова. – М.: ТЕРРА, 1997. С. 314.
6. Рагимов И.М., Савенков А.Н., Аликперов Х.Д. Этиология индивидуального преступного поведения: ещё один взгляд на проблему. Государство и право. 2023. № 9.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Серия первая. Произведения. Том 10. Государственное изд-во «Художественная литература» М., 1938.
8. Шестов Л.И. Сочинения в 2-х томах. Том 1. М.: Издательство «Наука». 1993. С. 129 – 131.

On some philosophical and legal aspects of the analysis of criminal behavior and its consequences

Aleksandr D. Kerimov

Doctor of Law, Professor,
Member of the Expert Council
under the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation,
Chief Researcher, Deputy Scientific Director,
Center for Integrational and Civilizational Studies,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 8017498@mail.ru

Abstract

This work is a response to some philosophical and legal issues considered in the article: Alikperov, Khanlar J, Ragimov, Ilgam M, Savenkov, Alexander N “Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from a different angle”. (Gosudarstvo i pravo=State and Law, No 9 (2023), pp:112-125. DOI: 10.31857/S102694520027657-3). The author defines the criteria for being scientific, advocates for the widest possible use of an interdisciplinary approach in the research process, highly appreciates the provisions and conclusions contained in this article, and calls on the scientific community for their further discussion. At the same time, he expresses doubts about the validity of the thesis about the inevitability of lifetime retribution for the committed atrocities and crimes.

For citation

Kerimov A.D. (2024) O nekotorykh filosofsko-pravovykh aspektakh analiza prestupnogo povedeniya i ego posledstviy: retsenziya na stat'yu I.M. Ragimova, A.N. Savenkova, i Kh.D. Alikperova «Etiologiya individual'nogo prestupnogo povedeniya: eshche odin vzglyad na problemu» [On some philosophical and legal aspects of the analysis of criminal behavior and its consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (1A), pp. 636-644. DOI: 10.34670/AR.2024.39.17.086

Keywords

Interdisciplinary approach, creative efforts, science, crime, punishment, retribution, good, evil, guilt, conscience.

References

1. Alexandrov A.I. Philosophy of evil and philosophy of crime. (questions of philosophy of law, criminal policy and criminal procedure). 2nd edition, revised and expanded "St. Petersburg State University", 2020.
2. Anthology of wisdom. Comp. V.Yu. Shoicher. M.: Veche, 2007.
3. Dostoevsky F.M. Collected works: In 20 vols. Vol. 13: The Brothers Karamazov: A novel: In 4 hours with an epilogue. Ch. 1, 2 / Note by A. Batyuto, V. Vetlovskaya, G. Friedlander, etc. – M.: TERRA, 1998. p. 113.
4. Dostoevsky F.M. Complete works in thirty volumes. Artistic works. Volumes I – XVII. Volume six. Crime and punishment. Nauka Publishing House. Leningrad branch. L., 1973.
5. Pushkin A.S. Collected works: In 10 vols. 5. Novels. Novellas / Note by S. Petrov. – M.: TERRA, 1997. p. 314.

6. Ragimov I.M., Savenkov A.N., Alikperov H.D. Etiology of individual criminal behavior: another look at the problem. State and law. 2023. No. 9.
7. Shestov L.I. Works in 2 volumes. Volume 1. Moscow: Nauka Publishing House. 1993. pp. 129 – 131.
8. Tolstoy L.N. Complete collection of works. The first episode. Works. Volume 10. The State publishing house "Fiction" M., 1938.